

ЛОМОНОСОВЕЦ

ИЗДАЕТСЯ С 26 ЯНВАРЯ 1990 ГОДА

№ 13 - 14

5 МАЯ 1995 г.

ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ

В годы войны

22 июня в актовом зале института стихийно возник митинг. Тут же преподаватели и студенты начали подавать заявления о вступлении в Красную Армию, и на следующий день таких заявлений насчитывалось 43. В армию ушли преподаватели А.А.Соколов, К. Агапов, А.Г.Беднов, Н.Прудников, И.И.Яковлев и многие другие.

Вспоминает Галина Сергеевна Клеткина (Боса), директор Киевского технологического института: "Война резко изменила жизнь института. Из удобного учебного корпуса мы были вынуждены переселиться в общежитие ("семиотку") со всеми кабинетами, лабораториями, библиотекой.

Оставшиеся преподаватели и студенты наряду со своими прямыми обязанностями занимались военной подготовкой, обучались в группах МПВО, работали на борже урожая в колхозах, участвовали в разгрузке военных кораблей, принимали участие в строительстве запасной железнодорожной линии на правом берегу Северной Двины, заготавливали дрова для института, собирали книги, подарки для фронта."

Только за первые два года войны было собрано 715 крупных теплых вещей - валенок, полушубков и т.д. А в октябре 1942 года на постройку дескадрильи "Комсомолец Архангельска" коллективом института собрано 2024 рубля.

В августе-сентябре 1942 года усилились вражеские налеты на Архангельск. В институте была хорошо подготовленная группа МПВО. Каждый знал свой пост, и однажды команда успешно обезвредила 30 зажигалок, падавших на "семиотку".

Преподаватели и студенты были прекрасными агитаторами и лекторами. За годы войны было прочитано 2500 докладов и лекций. Для коллектива и жителей квартала выпускался боевой листок.

Но главное, даже в тяжелые годы войны институт продолжал готовить учительские кадры. Так, с 1941 по 1945 год институт выпустил 419 дипломированных учителей.

Дорогие ветераны!

Пришла пятидесятая весна Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. В разгром фашизма, в отстаивание суверенитета и независимости нашей Родины свой вклад внесли преподаватели, сотрудники и студенты Архангельского педагогического института - ныне Поморского международного педагогического университета им. М.В. Ломоносова. Вы сражались на фронтах, доблестно трудились в тылу, продолжали готовить учительские кадры, ухаживали за ранеными в госпиталях.

Низкий вам поклон и глубокая благодарность за ваш подвиг, за муки и лишения, вынесенные в военное лихолетье.

Ректорат, профкомы преподавателей, сотрудников и студентов сердечно поздравляют ветеранов войны и труда университета с 50-летием Великой Победы и от всего сердца желают крепкого здоровья, весеннего настроения, большого личного счастья и долгих лет мирной жизни.

С праздником!

**Ветераны университета -
участники Великой
Отечественной войны:**

АРУЕВ Василий Александрович
БОСТРЕМ Глеб Глебович
БЕЗУМОВ Константин Давидович
БЕДНОВ Анатолий Григорьевич
ГАЛИМОВ Шамиль Загирович
ДМИТРОВ Павел Васильевич
ДУДОЧКИНА Серафима Федоровна
ЗЕЛЕНОВ Владимир Исакович
ЗЕРНОВА Роза Аркадьевна
ЗАВЬЯЛОВ Михаил Яковлевич
ИЛЬИН Юрий Федорович
КНЯЗЕВ Петр Степанович
КОЧИНА Александра Филатьевна
МАРТЫНЕНКО Николай Митрофанович
НОВОЖИЛОВ Юрий Константинович
ПАЛКИН Виктор Александрович
СИЛЮКОВА Мария Михайловна
ЧАУСОВ Анатолий Афанасьевич
ГЕЙТМАН Ираида Петровна
МИШАНИНА Александра Дмитриевна
МИХАЙЛОВА Мария Филлиповна
МАРКОВА Анна Семеновна
ИВАНОВА Валла Николаевна

**Ветераны университета,
награжденные
правительственными
наградами
за доблестный труд
в годы Великой
Отечественной войны:**

БЕЗГУЗОВА Маргарита Александровна
БАХТИЯРОВА Хасана Керимовна
ИВАНОВА Ольга Петровна
КОРНЯКОВА Мария Васильевна
КАЗАНСКАЯ Гольнара Азизовна
КИПРИЯНОВ Иван Алексеевич
КОНОНЮК Надежда Ивановна
КУЗНЕЦОВА Серафима Михайловна
МАТЛИН Лев Шувелевич
МАРТЕМЬЯНОВА Тамара Петровна
САННИКОВ Леонид Иванович
СЕНИЦЫНА Полярина Тимофеевна
СЕЛЕЗНЕВА Зинаида Яковлевна
СМЕТАНИНА Софья Андреевна
ТОЛСТАЯ Александра Владимировна
ТРУБИНА Лидия Александровна
ХУДЬК Евдокия Николаевна
ЧИРЦОВА Фрида Александровна
ШУСТЕР Надежда Дмитриевна
ПОПОВА Мария Тимофеевна
ГУСЕВА Вера Николаевна
ОКОЛЬНИЧНИКОВА Лидия Анатольевна
ЧУРАКОВА Лидия Николаевна
КОТЕЛЬНИКОВА Ангелина Спиридоновна

**НИЗКИЙ ПОКЛОН ВАМ,
ВETERАНЫ!**

Война ломала многие судьбы, но Анатолий Афанасьевич Чаусов на судьбу не в обиде. Будучи призванным со скамьи Ленинградского университета на финскую войну, стал участником Отечественной, закончив ее в Германии. Снова учился, работал, преподавал. И воспитывал детей - их у него семеро. Всем дал образование, переженен и повидал замуж. И теперь в его дружной семье 16 внуков и уже два правнука. Четверо наследников живут с Анатолием Афанасьевичем и его женой в одной квартире. Естественно, что нет-нет да и заходят у них разговоры о войне. А особенно много расспросов сейчас - внуки пишут сочинения и доклады в школах. Давайте и мы заглянем в тетрадь внучки Нади, ученицы 7-го класса.

Дедушка был радистом и со радиостанцией часто был на наблюдательных пунктах вблизи врага. Только радиостанция начинала работать, фашисты ее пеленговали и начинали бить из орудий и минометов. Часто радиостанции вместе с радистами разбивались. У дедушки был такой случай: буквально через несколько минут, как он сменил место, местившись на несколько метров в сторону вместе с радиостанцией, прежнее место упал снаряд.

Фашисты постоянно мешали радиостанциям, включали "трещотки". А ведь у наших войск часто не было другой связи кроме радиостанции.

Во время прорыва блокады операция называлась "Искра". С 18 января 1943 года дедушкина радиостанция обеспечивала связь

**«Надо же
связь
держат»**

"Мой дедушка был одним из защитников Ленинграда во время блокады и участником ее прорыва. Кольцо блокады замкнулось в сентябре 1941 года. Во время массовых налетов фашистской авиации были сожжены большие запасы продовольствия.

Зима 1941 - 1942 годов была холодной и голодной. Питание солдат было очень плохое. Каждый получал в день по 150 граммов сухарей. К середине зимы многие были так истощены, что их направляли в госпиталь. Было немало случаев, когда голодные солдаты отправлялись в поле добывать замерзшую картошку и подрывались на минах или были убиты случайной пулей.

ступающих южнее Ладожского озера. Первый освобожденный город, в котором пришлось дедушке быть Шлиссельбург. В нем все дома были разрушены, а жителей почти не было.

С 14 января по 1 марта следующего года было предпринято полное освобождение Ленинграда, и тогда у нас было столько "катуш", что они стояли на расстоянии 20 метров друг от друга на протяжении нескольких километров. А удары их снарядов слышались целиком башни таких немецких танков как "тигры". Позиции врага просто хивались".

За прорыв блокады дедушка награжден орденом Красной Звезды и медалью "За оборону Ленинграда". Это те сведения, которые

ерпнула из разговоров с дедом. же Анатолий Афанасьевич, хоть куп на проявление чувств, все же может скрыть горечи от блокадных ерь. Страшные картины разрухи и ода, знакомые большинству лишь фильмам, реально пережиты Ана- ием Афанасьевичем. И он лежал недели в госпитале, так как был ьно истощен, и шестнадцатиклго- мовая радиостанция стала непо- рной обузой.

Вообще-то Анатолий Афанасьевич ал войну стрелком-радистом на лег- а танке БТ-7. "Коробкой смерти" естили бойцы эту машину, так ба была ее броня. Но зато он л маневренен и быстроходен - раз- ал скорость до 90 км/час. Именно обстоятельство однажды спасло ьнь экипажу и Анатолию Афанась- ну. Было это в начале войны, 1-й ккорпус стоял под Псковом.

- Нам дали задание, - вспоминает еран, - встретить Ворошилова на жском шоссе. По карте указали сто, и мы понеслись. Выскакиваем шоссе с проселка, а там немцы. онной идут. Мы с размаху врезались амую гущу: протаранили несколько тоциклов, сбили машину.

Мы сами не ожидали такой встречи, тому первой реакцией было же- ние повернуть обратно. И мы раз- жулись. Но немцы уже очухались стали стрелять. Но мы были стре- тельны в своем отступлении. И хоть ку разбило полуюсь, мы добрались своих.

Танк пришлось сдать в ремонт на ровский завод, а нас списали в оту. Вот тут мне и выдали радио- ницию, точнее РБМ, с которой я шагал до середины сорок третьего. Когда армия начала наступать, рас- яния уже были большими, нас - дистов - посадили на машины. А этого в основном ползали между блюдательными пунктами и радио- ницию тащили на плечах.

Навряд ли надо говорить, что это лзание" было не менее опасным, м участие в боевых операциях. Тем менее, мне не раз приходилось ке от ветеранов слышать пренеб- жительное: радист не чета пехоте, кистам, артиллеристам и т. д.

Анатолию Афанасьевичу везло. Вок- было столько смертей. Радистов стоянно не хватало, - не от того что их тоже убивали. (В армию шли девушки, которые заменяли ибших мужчин. Уже опытный радист усов многих из них научил премуд- стям военного радиодела. Об этой роне войны напоминает Анатолию афанасьевичу почетный знак "Отличный дист").

Много раз жизнь Анатолия Афа- ьевича висела на волоске. Был такой чай. В Эстонии, когда русские ре- ли, что немец настолько уже ис- цен, находясь в окружении, что о остается лишь добить, противник брал танковые силы, авиацию и -то поутру неожиданно пошел на орь.

Радиостанция Чаусова находилась в ревяном доме на окраине села. сюда велась связь с дивизиями. И

вдруг в эфире послышался взволно- ванный голос: "Немецкие танки". Во- обще-то, при передаче каких-либо сведений радисты пользовались коди- рованием сообщений. Но тут, видно, шифровать информацию было некогда.

- Я только успел передать сооб- щение по инстанции, - говорит Анатолий Афанасьевич, - как слышу, гул не- мецких самолетов. Армада бомбар- дировщиков стремительно надвигалась на нас. Загremели взрывы. Двери и окна в доме повывлетали. Но пришлось остаться - надо же связь держать. И наши очухались быстро и дали жару немцам.

Вообще жарких боев было много в военной судьбе Чаусова. Но на обстрелы и близкие взрывы он, впрочем как и все радисты, смотрел лишь как на помехи, мешающие вести связь, что было главной задачей радиста. А ее Анатолий Афанасьевич, судя по наградам, выполнял с честью.

Награды... их не без гордости можно предъявить внукам. Да и мне интересно было разглядывать лацканы парадного пиджака.

- Анатолий Афанасьевич, расска- жите, за что получили вот эту медаль.

- Это было уже в Германии. После форсирования Одера мы попали в капкан на наблюдательном пункте. Человек двад- цать, и с нами командир корпуса - генерал. Мы никак не ожидали, что немец нас зажмет, батареи радиостанции сели, было невозможно связаться со своими, попросить помощь.

Командир был настроен решитель- но. Разбирайте, говорит, хлопцы, ору- жие, мы дорого продадим свои жизни. Но, видно, не судьба была нам здесь головы сложить. Армейская дружба выручила.

Ребята из радиороты поняли, что мы молчим неспроста. И тогда двое радистов взялись доставить на наблю- дательный пункт комплект новых ба- тарей. Как уж им это удалось - одному Богу известно: огонь был шквальный.

Тем не менее они пробрались к нам, и мы сразу же связались с дивизией и вызвали помощь. Всех, кто был тогда на наблюдательном пункте, наградили. Меня представили к ордену Отечественной войны I сте- пени. Но как часто бывало на войне, пришла другая награда - вот эта медаль "За боевые заслуги".

- А это что за медаль?

- Это не медаль, а Золотой Знак Польской республики. Я получил его уже после войны. Совсем недавно. В 1990 году Советский комитет ве- теранов войны пригласил меня в составе делегации в Польшу. Из Архангельской области нас было трое - все осво- бождали Польшу во время Великой Отечественной. Мы посетили Варшаву, Лодзь и несколько других городов, в которых я был впервые, т. к. во время войны освобождал Силезию.

Анатолий Афанасьевич освобождал не только Польшу. Он прошел Чехо- словакию, Восточную Германию. Думал побывать и в Австрии, но был ранен 9 мая 1945 года.

Е. КОРОБОВСКАЯ.

ОНИ СРАЖАЛИСЬ

ЗА РОДИНУ

Павел Васильевич Дмитров

Как и все ровесники, Павел Васильевич попал на фронт не в сорок первом. Учебу в Архан- гельском электротехникуме при- шлось, правда, бросить и пойти работать. Сначала слесарем на железную дорогу, затем кочера- ром в Северное морское паро- ходство.

В январе сорок третьего Павла Васильевича призвали в ряды Со- ветской Армии, где он был зачислен в воздушно-десантные войска. Тут же попал на фронт и участвовал в боях второго и третьего Укра- инского фронтов.

За проявленное мужество был награжден орденом Славы III сте- пени, медалями "За отвагу", "За взятие Вены". В армии Павел Ва- сильевич окончил дивизионную пар- тийную школу, а также курсы радиотелефонистов.

Но продолжить общее обра- зование довелось лишь после войны, когда Павел Васильевич решил учиться в вечерней школе. После ее окончания поступил в наш ин- ститут.

12 мая Павлу Васильевичу ис- полняется 70. Желаем здоровья на долгие годы, счастья.

Юрий Константинович Новожилов

Война уже гремела под окнами, когда его призвали в армию. Но на фронт Юрий Константинович попал не сразу. Сначала учился во Втором стрелково-снайперском Смоленском училище. И только в мае сорок четвертого был отпра- влен на первый Украинский фронт в качестве командира стрелкового взвода. За участие в боях получил орден Красной Звезды, а в августе был тяжело ранен. Так тяжело, что пролежал в госпитале больше полугода.

Демобилизовавшись, продолжил учебу в Ярославском педагогиче- ском институте, после окончания которого приехал преподавать в Архангельск. С тех пор судьба Юрия Константиновича неразрывно связана с нашим вузом.

ОНИ СРАЖАЛИСЬ

ЗА РОДИНУ

Константин Давидович Безумов

Он родился в двадцать пятом, поэтому был призван в действующую армию только в 1943 году. А до этого, как большинство подростков военного времени, работал. Сначала на разных работах в родном колхозе села Виска Ненецкого национального округа, потом его взяли учеником на рыболовный мотобот. Стал Константином помощником моториста. С этой должности и ушел в армию.

Тут тоже сначала учили. На стрелка-автоматчика воздушно-десантных войск. А потом послали в бой. Воевал Константин Давидович с немецко-фашистскими захватчиками на втором и третьем Украинских фронтах. Тогда же стал коммунистом. Был секретарем партбюро батальона.

Уже позже, после войны, учился в школе рабочей молодежи, в трехгодичной партшколе, Архангельском пединституте. Попал на партийную работу, а с января 1968 года - работал в нашем вузе.

За участие в боях Великой Отечественной войны награжден шестью медалями.

Георгий Георгиевич Фруменков

В июне 1941 года он закончил с отличием Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена. В армию его призвали в качестве политработника, затем Георгий Георгиевич стал сотрудником газеты "Фронтной дорожкой", с которой и прошагал до Победы. Собственно в боях не участвовал, но на передовой был постоянно. И пороку поношал, и награды имел.

И хотя корреспондентов жаловали ими не часто, Георгий Георгиевич был удостоен медалей "За оборону Ленинграда", "За боевые заслуги".

А с 1947 года Г. Г. Фруменков работал в Архангельском педагогическом институте. Да кто же его не знает?!

Форму Василий Александрович надел еще до войны - призван был в сороковом и служил рядовым в Пензенском артиллерийском полку. Жарким летом сорок первого, как раз за несколько дней до ее начала, послали красноармейца Аруева вместе с товарищами на склады чистить снаряды - старую смазку убирать и наносить легкой слой свежей.

Народу работало немало, и среди прочих много запасников. Вот и пристали они к служивым - мол, объясните, зачем столько снарядов чистим, будет война с немцами или нет. Но молодые парни вряд ли хорошо разбирались в перипетиях политики, ответили, что им ничего такого неизвестно - молчат-де командиры на предмет близкой войны. Однако дядьки оказались дотошными. На следующий день на своей политической информации они прижали к стенке политработника: так будет война или нет (вроде как в артиллерийские военные поговаривают)? Но тут и их, любопытных, прижали: назовите фамилии, кто такую дезинформацию распространяет.

И попал Василий Александрович на гауптвахту, на пять суток. Отсидеть, правда, пятнадцатую не удалось - на третий день выпустили и отправили сопровождать эшелон пушек-гаубиц в татищевские лагеря под Саратов.

Но время для нас, русских, понятие растяжимое, его сроду на Руси считать не умели - из-за неорганизованности, из-за лени вековой, что ли...

Вот и тут: готовый к отправке эшелон застрял на станции отправления. Так, провояжая взглядом уходящие на запад составы (в основном крытые брезентом "сельхозмашины"), и встретил войну красноармеец Аруев. Готовился к демобилизации, а пришлось продолжить военное образование.

Учили, правда, недолго. Через три месяца выпускник Пензенского артиллерийского полка лейтенант В. А. Аруев вместе с сорока товарищами попал в Москву и

Везучий

16 октября принял первый в своей жизни бой. Потом, в течение четырех лет, Василий Александрович бывал и в таких, как эта, переделках. Но первый бой помнит особо. Тем более, что он был необычным.

- Теперь можно рассказывать о военных эпизодах честно, без боязни, тебя обвинят во лжи или антисоветской пропаганде. - Говорит подполковник Аруев. - Раз было, значит, было. И неадекватность командиров, и неадекватность подчиненных. И это русская авось... Но по порядку.

483-й артиллерийский противотанковый полк формировался в Кунцево. Мы поставили командиром взвода вместо пожилого человека, с которого мы наследство даже шинель достали. "Хочешь воевать?", - спросили. "Хочу", ответил я.

Дело было под вечер, а наутро должны были перебросить под Волжск, где шли серьезные бои - немцы рвались к Москве. Как тут уснешь, потому же выяснилось, что никто на батарею не выверял у новеньких сорокочетырехдюймовые пушки. Вот мы с лейтенантом Войничкиным и занялись этим делом.

А темно уже было. И только вдалеке на фоне серого неба проступали контуры церковной макушки. Вот на нее мы пушки и выверили. То ли мы так здорово их подготовили, то ли нам сам Бог помог, только зря мы пушки выверяли - это уже на следующий день поняли.

Утром, чуть рассвело, поехали на место дислокации. А по дороге машина командира напоролась радиатором на поваленную березу - пушки наши буксировались грузовыми тягачами, которых сняли с улиц Москвы. Мы три раза деревню проезжали, в которой не было ни одного дома. Командир остался машину чинить, а мы двинулись дальше уже три пушками.

Прибыли, стали окапываться, а приказ - передислоцироваться в другое место. Только прибыли - немецкий танк начал. Вот тут мы своим пушечкам раз спасибо сказали. Хорошие пушки. Точные. И хоть с ними обращались бойцы почти не умели, мы подбили восемь танков.

А немцы стреляли плохо: то нервничали, то ли пьяные были. Но мы на открытом месте стояли, и уже выпал, наши черные таксы, бельмо на глазу. Тем не менее, смотрю немец нас обошел, и мы уже из тыла по ним стреляем.

Отошли мы к низкорослому лесу, посоветовались и решили оставшиеся снаряды по немцам выпустить, затворы пушек вынуть, закатить орудия в окопы и пробираться к своим. Так и поступили.

Но когда преодолевали противотанковый ров, немцы стали постреливать. Я же шел сзади, и, как назло, до меня не мог выплезти - только руку в рукав выставлю, огонь усиливается. Пришлось ждать темноты.

Когда же я все-таки вылез, товарищи уже ушли. Пришлось мне одному пробираться к своим. Карта у меня была по ней я и нашел избушку лесника.

ИЗ ВЕЗУЧИХ

Однако открывшая мне женщина предупредила, что немцы близко, а в хате много ребятшек. Так что они мне только короткий ночлег и могут предложить, я и этому рад был. Надо было обсушиться, уж о еде и не думалось.

Но когда в четыре утра я вышел в сторожки, голод дал знать. У меня крошки во рту не было в течение суток. Надежда была только на встречу со своими. Их я, конечно, встретил. Артизан, которые звали с собой. Но должен был идти в часть.

А вот воблой они меня накормили. Выменяли четыре воблины на гранату. Так вот.

Чуть позже я встретил в лесу четырех етчиков, тоже пробирающихся к своим. С ними и пошел дальше. Однако радость встречи с дозорными была омрачена едовением. На мой вопрос командиру: "Когда покормите?", он ответил, махнув сторону, где слышались редкие залпы: "Вон ваших кормят". За леском расстреливали дезертиров.

Но мой рассказ о подбитых танках се же решили проверить. Связались с авиацией, которая подтвердила, что под деревней N стоят восемь подбитых немецких танков. Честные люди, могли себе в зачет эти танки записать, кто б проверил.

Я вернулся в часть, где меня уже ждали мои солдаты. Тут мне рассказали, что командир батареи, починив машину, прибыл на первоначально указанное место как раз в тот момент, когда именно в этом направлении пошли немцы. Прямым попаданием машину разнесло, а людей раскидало. Немцы подобрали пожег ранных и трупы и сожгли их в горящем деревянном доме. Это все видел заряжающий командирской пушки, чудом уцелевший в перedelке.

... Василий Александрович рассказывает подробно, называя имена и названия населенных пунктов - можно подумать, что время не властно над его памятью. Он помнит числа, когда находился там-то и там-то, он помнит ход боев по часам и знает, как именно погибли его товарищи. Или кто из них совершил какой подвиг и был ли награжден.

У самого Василия Александровича шесть боевых орденов, четыре из которых он получал буквально на третий-четвертый день после очередного тяжелого боя. Он называет эти ордена "окопными" и особо гордится ими. Два ордена Отечественной войны II степени и два ордена Красной Звезды.

Получение одного из них Василий Александрович прокомментировал так:

- Это было уже под Сталинградом. Прибыл я туда в ночь с 4 на 5 сентября вместе с 49-й стрелковой дивизией, сформированной из ополченцев Ивановской и Владимирской областей. Нас было 14 тысяч. Через четыре дня осталось 4 тысячи. И я, старший лейтенант Аруев, среди них.

Немец полосой в два километра вышел к Волге. Задачей Донского, Дальневосточного и других фронтов, прибывших в начале сентября к Сталинграду, было расчленил силы противника и разбить его по частям. Задача была ясна,

но выполнить ее не удавалось - немец продержался до февраля.

Мы дрались, не жалея жизней. Немец просто давил нас авиацией. Я терял солдат, и тем обиднее было, что это все были семейные люди, по сравнению со мной - старики.

И вот однажды стояли мы под деревней Кузмичи (слышали, должно быть, "под деревней Кузмичи полегли ивановские ткачи"), в которой находились немцы. Мы бы их давно оттуда выкурили, да держали немцы в деревне наших баб и ребятшек. Мы-то стояли метрах в четырехстах, в бинокль хорошо видели, как они по деревне ходят.

А тут, над нами, смотрим, самолет летит - Ю-88. Надо сказать, к сорок третьему уже и пехота осмелела - по самолетам стреляют, знают, где слабое место. Сбили тогда окопники самолет, и упал он на нейтральную полосу. Не загорелся, но и летчики не спаслись - удар был сильный.

Вот пристали ко мне мои солдаты: "Отпусти, старлей, к самолету за шоколадом и пластиглазом". (Солдаты на войне здорово из этого самого пластиглаза портсигары резали). Я, конечно, не отпустил.

Но что им, сорокалетним, приказ двадцатилетнего командира!

Как стемнело отправились мои солдаты к самолету. Наутро пришли с повинной и планшет мне протягивают: мол, в самолете штурманом женщина оказалась, а на плече у нее висел этот планшет, а в нем карта. Да не какая-нибудь, а самая подробнейшая карта боевых вылетов с указанием места и числа на несколько недель вперед. Вот какой трофей добыли мои ребята! Поблагодарил я их за сообразительность и отправил карту в штаб дивизии.

...Много товарищей потерял под Сталинградом Василий Александрович. И среди них - хорошего друга, с которым прохввал от самой Москвы, Алексея Сидоренко, командира с третьей батареи, самой невезучей в дивизионе: семь командиров сменилось на ней - одних ранило, других убило.

Аруеву везло - был ранен лишь однажды. Зимой сорок третьего под городом Жидра Калужской области. К тому времени в качестве тяговой силы уже использовались не машины, а бронированные тягачи. Вот в него-то и угодил прямым попаданием немецкий снаряд. Тягач загорелся, люди, бывшие в нем, - тоже.

Василий Александрович месяц провел в медсанбате. А по выписке вернулся в свою часть. Где его ждал новый друг, командир второй противотанковой батареи Иван Федорович Пышный - везучий из везучих. Он прошел всю войну без царапины. А воевал отважно и дослужился к концу войны до начальника штаба.

Но и Василий Александрович двигался по войсковой лестнице. До сорок четвертого он - командир противотанковой батареи, затем, когда пушки были переданы пехоте, а артиллеристов пересадили на самоходки, - помощник начальника штаба дивизиона САУ-76.

С первого взгляда может показаться,

что должность помощника довольно спокойная (если вообще может быть на войне покой). Однако это не так. В общем, пришлось Василию Александровичу и связь с пехотой держать, и в разведку ходить, и документы наградные оформлять.

Но сам Василий Александрович больше всего гордился поручением начальника доставить в дивизион знамя.

- В ту пору, а это уже было в Германии, стояли мы на плацу южнее Франкфурта-на-Одере. Штаб дивизии находился на другом, правом, берегу реки. Выдал мне командир доверенность (а без нее, несмотря на то, что он мой друг, Пышный не выдал бы знамя), я взял с собой восемь солдат, и мы отправились. Сначала до деревеньки Вейзенау, где на господском дворе стояли наши, затем через переправу на правый берег. Немцы периодически переправу обстреливали, но мы добрались без приключений.

А вот обратно таким путем идти побоялись - ведь знамя уже было с нами. В войну же потеря знамени означала расформирование части. Поэтому мы с Пышным решили переправиться через Одер на лодке (Бог знает, где он ее взял). А затем идти напрямик на плац.

Но дело осложнялось тем, что немцы открыли шлюзы выше наших позиций, и вода покрыла округу. Передвигаться можно было только по дорогам (а они у немцев всегда в порядке, деревьями фруктовыми обсажены), бредя по колону в воде. Мы же выбрали путь по бездорожью: это уже не по колену, а по пояс, по грудь в воде. Но зато это было надежнее. Как стемнело, вышли. Переправились без проблем.

А когда побрели по равнине, приходилось периодически в воду нырять - немцы пускали ракеты, становилось светло, как днем. После таких купаний не грех было и согреться, что мы и делали, предварительно захватив с собой канистрочку спирта. А дело было в апреле. Так пришли мы в часть без потерь.

Помню, как торжественно нас встречали, ведь мы знамя принесли.

Е. КОРОБОВСКАЯ.

На снимках: В. А. Аруев - фото сверху - 1940 г., внизу - 1945 г.

Позиции рядового Галимова

Шамиль Загирович немногословен в своих военных воспоминаниях. Не потому, что вспомнить ветерану нечего, а просто охотнее он рассказывает не о военных буднях, а о товарищах, с которыми работал и учился, воевал и лежал по госпиталям. Кажется, что Галимов сознательно устраняется от воспоминаний, которые оставили в душе его печальный след. Ему больше нравится говорить о своих литературных трудах - их у ученого-филолога очень много. Девять книг, а уж статей и брошюр не сосчитать.

Но в преддверии празднования Дня Победы мы все-таки поговорили с Шамилем Загировичем о его военной судьбе.

- Когда началась война, - начал рассказ мой собеседник, - ребят 24-го года рождения призвали в армию. Нас же, кто родился в 25-м, после окончания школы служить не взяли. Учиться дальше, однако, не имело смысла, и я решил до ухода на фронт поработать.

Мой товарищ Толя Коробков устроился на плавмаек и очень был доволен работой и довольствием: выдавалось на день 1200 г хлеба, 600 г масла и 1100 г сахара на месяц. К тому же после 20 дней вахт полагался 10-дневный отпуск на берегу. Я тоже решил стать на время моряком.

О своей работе на борту плавмаека "Северодвинский" Шамиль Загирович рассказал читателям газеты "Волна" в 1990 году.

"Прошла неделя с тех пор, как я ступил на палубу плавучего маяка. Многие за это время усвоил. Несколько слов о самой "плавушке".

Судно было построено в Норвегии в 1905 году. Оно имело очень удобное устройство, специально предназначенное для службы и отдыха немногочисленной команды. Говорят, до войны оно было окрашено в красный цвет, а потом, как все военные суда, - в свинцово-серый. Плавмаек имел большую устойчивость по отношению к штормам и бурям (благодаря своим высоким бортам и подводным крыльям), т. к. ему приходилось выдерживать любые волнения, не скрываясь в гавани...

Вечером 24 августа, когда я стоял на вахте, со стороны Архангельска в небе вспыхнули десятки лучей прожекторов. Небо у горизонта бороздили ракеты, и были видны красные цепочки трассирующих снарядов. Но ни звука орудийных выстрелов, ни шума от разрывов бомб не было слышно.

Вскоре в том же направлении вспыхнуло сначала слабое, едва заметное, но постепенно все более и более увеличивающееся зарево пожара. Че-

рез час в бинокль ясно можно было различить языки пламени. Зарево было видно до четырех утра.

На следующий день от приезжих лоцманов мы узнали, что Архангельск бомбили. По их словам, много домов выгорело и разрушено на участке от улиц Печорской до Урицкого, кое-что повреждено на улице Пролеткульта, у Большого театра, у СУРПа...

В нашу сторону летели два самолета с черными крестами на крыльях. Краснофлотцы с винтовками наготове поднялись на мостик, а мы быстро протянули шланги, пустили пар в лебедку, приготовили к спуску шлюпки. Все лишнее с палубы были удалены. Остались капитан, старпом, боцман и вахтенные матросы (в том числе и Шалимов - прим. авт.). Машинная команда продолжала работу.

Фашистские самолеты (это были "Юнкерсы-88"), не снижаясь, пролетели над нами и спикировали на землерепалку "Вайгач" и шаланды, которые стояли на канале, километрах в двух от нас. Несколько фугасок взорвалось возле судов, подняв огромные столбы воды. "Вайгач" не стал искушать судьбу, выбрал якоря и спешно стал уходить в сторону порта. Один немецкий самолет был сбит нашими "ястребками" за Мудьюгом. Он загорелся и упал в Сухое море.

На канал, пролегающий между нами и островом, немцы сбросили четыре мины, тем самым закупорив фарватер. Вход и выход для судов через канал был запрещен. Мы останавливали каждое судно, идущее из порта или с моря.

Весь следующий день по каналу ходил военный тральщик. Две мины

взорвались, остальных не нашли...

Утром 20 сентября мы увидели на горизонте караван. Это был прибывающий в Архангельск конвой РQ-1. Несколько десятков судов стояло в якорях, пережидая шторм. Это были американские и английские транспорты, были среди них и советские суда. Их сопровождало сильное боевое охранение: свыше десятка эсминцев, корветов, Тральщиков. На мачтах некоторых транспортников ясно можно было различить в бинокль клетчатые сине-желтые флаги, напоминающие шахматные доски. Это означало "нужен лоцман". Но в такую погоду (был сильный шторм - прим. авт.) доставка на суда лоцманов практически была невозможна.

Часов в десять налетели "юнкерсы". С военных кораблей забили зенитные пулеметы и пушки. Огонь их был настолько интенсивным, что немецким самолетам не удалось приблизиться для бомбометания. Но вслед за первой волной самолетов появилась вторая волна, за ней третья. Некоторым самолетам удавалось прорваться сквозь завесу огня. В море заухали тяжелые взрывы.

У нас на судне была объявлена тревога. Атаки "юнкерсов" повторялись несколько раз, оказывая свое устрашающее действие. Ближайший к нам транспорт неожиданно снялся с якоря, вызывая наше удивление, самостоятельно, без лоцмана, пошел по фарватеру в Архангельск. И конечно же, сел на мель, видимо, на брови фарватера.

Его примеру последовало другой транспорт и также врезался в мел-

ОНИ СРАЖАЛИСЬ

ЗА РОДИНУ

На обороте этой старой фотографии написано: "Все те же товарищи, за тем же столом, у той же радушной хозяйки... 20.02.61".

Нам не знакомы люди, сидящие по краям, но вот хозяйку стола Раису Васильевну Френкель, пожалуй, узнают многие. Много лет она проработала в нашем вузе, еще большей аудитории Френкель знакома как переводчик с немецкого.

Ее переводы высоко ценились специалистами, издавались престижными издательствами. Раиса Васильевна при жизни очень гордилась некоторыми из них.

Но вот о своей военной карьере она практически не упоминала. Так, кое-что рассказывала своей приемной внучке Люсе, которая последние годы жила с ней под одной крышей.

Раиса Васильевна боялась войны. Ее охватывал панический страх при виде ужасных потерь, когда гибли не только военные люди, но и мирные жители.

Тем не менее, она добровольно ушла в ряды РККА и прошла всю войну в качестве переводчика. Может быть, где-нибудь в архивах хранятся записи, в скольких допросах ей пришлось участвовать. Мы не располагаем такими данными. Знаем только, что Раиса Васильевна служила в разведотделах Ленинградского и Украинских фронтов. Прощла с частями нашей армии до Днепра, где в январе 1943 г. была ранена, но продолжала работать дивизионным переводчиком. Знаем и некоторые факты ее фронтовой работы.

Так, например, на допросах обычно присутствовали четыре человека, одним из которых был переводчик. Раиса Васильевна отмечала, что к пленным немцам (а это были обычно высокие чины) относились неплохо: редко когда приходилось видеть, чтобы немца били.

Однако картины разрухи, встреченные ею на дорогах Украины, когда наши солдаты допускали мародерство и насилие, перекрывали память о доброте и величии русской нации. Она не осуждала вслух действий победителя, но и не любила вспоминать военные дни.

А родные и друзья, понимая ее чувства, не настаивали на этом. Но надо ли сожалеть? Мы знаем и помним, что вклад Раисы Васильевны в Победу несколько не становится меньшим - известен досконально ее подвиг или нет.

А. КУПЕЦКАЯ.

минут через десять тронулся третий присоединился к товарищам. Получилась довольно живописная, но щедрая сердце картина: сидят три гиганта на мели, изрыгают из своих труб целые тучи дыма и тревожными удками подают сигналы бедствия - вызывают о помощи.

На их зов "откликнулось" несколько фашистских самолетов. Но к счастью, ни одна из насеп брошенных бомб не попала в цель.

Вскоре прилетели наши "ястребки", "бомберсы" были отогнаны. Шторм стал стихать. К вечеру удалось забросить лодманов на корабли конвоя. Суда один за другим отправились в порт".

Воспоминания эти Шамиль Загирович озаглавил "Свет маяка. Из записок матроса второго класса". Здесь процитированы лишь строки, касающиеся собственно боевых действий, но в этих записках читатель найдет больше описаний взаимоотношений между членами команды плавмаяка, той незабываемой атмосферы дружбы и взаимовыручки, что царили на борту старой посудины.

Даже описывая налет немецких самолетов, Галимов больше внимания уделяет чувствам: первоначальной своей неуверенности, страху, и тут же - надежде в экстремальных ситуациях своего напарника матроса Неманова. С теплотой вспоминает,

как поддерживали его женщины, работавшие в то время на маяке.

С этих же "позиций" готов Галимов рассматривать и свое участие в сражениях на фронте, куда он попал в августе сорок третьего. Его приняла третья танковая армия генерала Рыбалко, которая базировалась в тот момент под Курском. Город был уже взят, перед армией стояла задача наступления на Киев.

Оглядываясь назад, Шамиль Загирович качает головой:

- Особенно трудно было при форсировании Днепра. Наша армия несла большие потери. Противник много бомбил наши позиции.

К этому времени уже использовался "Хайнкель-111" - самолет, который не пикирует на цель для бомбометания, а сыплет бомбы с большой высоты как картошку. Его трудно было подбить. И все же 9 октября, помню, мы закрепились на правом берегу. Посчитали потери: в соседнем, первом батальоне из 50 осталось 19 бойцов. Много потеряли техники - орудий, танков.

Но в ночь на 12 октября было назначено наступление. Я принял в нем участие - был связистом, держал связь с батареей. Немец яростно бомбил. В одну из бомбежек просто снесен был окоп моего товарища.

А во время следующего броска меня ранило в руку. Но страха не было - я мог передвигаться и пошел вперед. Но буквально через полчаса был тяжело ранен в ногу. Вот тут уже страх меня настиг - я был беспомощен.

Товарищи ушли вперед, а я остался на поле боя дожидаться санинструкторов.

...Но не закончилась война в тот момент для рядового Галимова. Еще долгие месяцы предстояло ему бороться за жизнь. Несколько операций, санвагоны и санпоезда, госпиталя и санатории.

В сорок четвертом его комиссовали. Шамиль Загирович вернулся в Архангельск. Учился в нашем институте, затем учительствовал, а с 1955 года его жизнь была накрепко связана с Архангельским педагогическим.

Те, кому повезло учиться у Галимова, вспоминают его лекции, практические занятия, консультации, на которых всегда можно было окунуться в атмосферу неназойливого созидания, почувствовать особый вкус к литературе, настоящим гурманом которой явился Шамиль Загирович Галимов.

С. МИХАЙЛОВА.

На снимке: Ш. З. Галимов ведет кружок советской литературы.

Фото А. ВИЛАЧЕВА.

О многом могут рассказать архивные документы, многое удостоверить, открыть неизвестные доселе факты, освежить и обогатить память человеческую.

Дело № 23 фонда 5818 областного государственного архива содержит протоколы, постановления, отчеты, доклады, справки областной военно-шефской комиссии, работавшей в годы Великой Отечественной войны. На некоторых документах стоит гриф

«Оглашению не подлежит»

Постановлением этой комиссии уже в сентябре 1941 года были созданы девять бригад по культурному обслуживанию частей Красной Армии и Флота, призывных пунктов и госпиталей. В списке бригад под номером восемь значится "Дом пионеров". А Дом пионеров - это две бригады художественной самодеятельности: младшая и старшая. Судя по архивным документам, концертная деятельность этих бригад учитывалась и оценивалась наравне с бригадами артистов Большого театра, Госцирка, Северного народного хора. Например, в докладной записке О.В.Ш.К. при обкоме Союза работников искусств указывается, что за период с 22 июня 1941 г. по 1 мая 1942 г. Большим театром организовано 224 шефских концерта и 5 спектаклей, а Домом пионеров - 273 концерта, при этом отмечается успех именно детских бригад.

8 мая 1944 года Военным советом Архангельского военного округа было принято постановление о награждении коллективов Большого театра, Северной филармонии и Дома пионеров Почетными грамотами Военного совета. В течение всей Отечественной войны двумя бригадами Дома пионеров было дано 1090 концертов.

Но никакие документы не могут передать тех чувств, которые испытывали и зрители, и исполнители во время этих военных концертов. Ах, какие это были зрители! Я до сих пор помню их лица.

Невозможно забыть одну из поездок старшей группы в дом отдыха командиров и политработников Карельского фронта в декабре 1942 года. Меня, одиннадцатилетнюю, взяли тогда вести концерт. Помню, как на одном дыхании бригада исполнила все номера. Выздоровляющие зрители хлопали до изнеможения и уговорили после концерта остаться в доме отдыха еще на один день, а на следующий показать новый концерт, подготовленный совместно с военными.

Второй концерт состоялся. И сегодня вижу счастливое лицо Зои Яковленковой, которую один из отдыхающих выбрал в партнерши на поставленный им танец. А как пламенно звучали после концерта заверения в том, что бойцы Красной Армии отстоят нашу Родину.

Госпиталей в Архангельске было много - почти в каждой школе, Доме пионеров, некоторых техникумах, пединституте, в АЛТИ. И в каждой бригады школьников из Дома пионеров выступали неоднократно. Длинные школьные коридоры превращались в зрительные залы, и тогда ряды обыкновенных стульев заполняли их. Зрители в серых больничных халатах выходили из палат, некоторые опирались на костыли. То там, то здесь белели повязки. Раненые рассаживались, и концерт начинался.

После каждого номера звучали аплодисменты. А в такт им - постукивание костылей об пол. Так бойцы, не имевшие возможности хлопать, выражали свое удовольствие от зрелища.

Госпиталь в пединституте отличался от остальных госпиталей: здесь были настоящий зрительный зал и хорошая большая сцена. Ныне это помещение переоборудовано в читальный зал. Позже, когда я уже училась в институте и приходила сюда на конкурсные вечера факультетов, этот зал не казался мне таким огромным, как во время детских концертов.

А их я помню практически все. По номерам и их исполнителям. Программа концертов была всегда насыщенной. Начинали с приветствия, затем хор исполнял несколько песен. Нонна Попова, Люся Савицкая, Юра Семаков, Люся Едемская, Юля Полежаева - они были постоянными исполнителями. Дирижировала хором почти всегда Люся Лазарева, девочка лет десяти, небольшого росточка с яркими веснушками на лице. Раненые улыбались, глядя на нее, а ее пение (она была запевалой) - чистое, мягкое - покоряло их сердца.

Старательно читала стихи самая младшая из нас - Зина Леонтьева. Ей было шесть, и для нее всегда припасали стул, на который она вставала во время выступления. Ей разрешили носить октябрятскую звездочку раньше срока, и она этим очень гордилась. Сегодня Зинаида Михайловна Савичева - кандидат технических наук, доцент кафедры физики Ленинградского высшего морского военно-технического училища.

Выступала с сольным пением Инна Лобанова - ее серьезное лицо и низкий

голос позволяли сделать песню о торжественной. Помню, как однажды один из зрителей подарил Инне ленточку от бескозырки - святыню каждого ряка. Думаю, что эта ленточка до сих пор хранится у Инны Артемьевны Попова - бывшей учительницы русского языка и литературы 21-й школы.

Эти девочки после войны учились в пединституте, который закончили и другие участники бригады: естественно-географический факультет - Люда Исадорова, Нонна Попова и Тамара Тетерина, физико-математический - Нина Корбакина (Усынина), Роза Набатова (Балковская), Зина и Нина Леонтьевы, факультет иностранных языков - Рита Садкова.

Холодные зимы, жаркие лета, темные улицы Архангельска и полуголодное состояние многих членов младшей группы, однако никогда не были причиной отмены концертов. Как свидетелем выступают архивные документы, дети выполняли планы шефскому обслуживанию госпиталей концертами. Более того, дети никогда не отказывались выступать после основного концерта еще и в палатах перед тяжелоранеными, которые были прикованы койкам. Часто бойцы не могли аплодировать, но слова благодарности долетали до слуха юных артистов. И это нас окрыляло.

Были у нас концерты и для иностранных моряков, которым тоже концерты нравились. Программа наших выступлений постоянно обновлялась. Между концертами мы собирались на "базе" на репетиции.

Помню мне один день, когда мы собрались почти в полном составе в здании ТЮЗа (здесь размещался именно Дом пионеров, сегодня этот дом называют Марфиним). Но собрались не на репетицию и не для поездки в госпиталь - мы пришли проводить нашу баяниста на фронт и сфотографировать с ней на память.

Это было 20 мая 1942 года. Мы хранили эту фотографию.

Н. М. АГЕЕВА
ст. преподаватель кафедры
методики преподавания
математики

